

Журавль в небе для Светланы Брагарник

Нога начала болеть уже после спектакля, когда актриса вышла на поклон. Публика, как всегда, долго не отпускала ее, она улыбалась, принимала цветы, благодарила, чувствуя, что нарастающая нестерпимая боль сейчас швырнет ее на пол. Подумала - наверное, ударились во время спектакля, танцуя, и к утру все, конечно, пройдет... А утром (после рентгена) врачи определили: перелом, и она поняла, что играла, танцевала со сломанной ногой почти весь вечер. Не просто танцевала - стремилась взлететь, воспарить над сценой, над землей, где так несчастливо существовала ее мятежная героиня, реальная, ставшая почти легендой в своей посмертной судьбе Зельда, жена великого американского писателя Скотта Фицджеральда, о которой написал в одной из своих последних пьес «Костюм для летнего отеля» Теннесси Уильямс.

В спектакле Театра имени Гоголя, поставленном по этой пьесе, Зельду играет Светлана Брагарник, о ней и речь. Светлана - из актрис, для кого сценическая жизнь ее героинь нередко оказывается реальнее жизни подлинной с мерным течением будней, бытовыми неурядицами и однообразием повседневных забот. Актриса радостно уходит в иные миры, сочиненные чьим-то воображением, в другие жизни, превращая их в собственную судьбу. В том, что она делает, невозможно провести резкую рубежную черту: здесь она, а здесь ее героиня, здесь актриса, а там российская женщина конца мучительного XX века, пытающаяся вместе со всеми осознать смысл трагических потрясений, которые стали для ее страны, кажется, уже нормой. Светлана Брагарник словно опрокидывает себя в драматургию, в роль, погружаясь в это пульсирующее пространство с головой, заставляя свое сердце биться в унисон с чужой фантазией. Но не теряет при этом собственного острого и памятливого взгляда, собственного суждения о жизни, о том, что предстоит пройти ее персонажу в движении к истине, коль скоро им дано постигнуть ее.

Плотное, нерасторжимое сопряжение литературы с собственной личностью, - неперенное условие в движении актрисы к роли. Казалось бы, сценические и экранные создания Светланы Брагарник так непохожи, так отличны друг от друга, так уникальны... Огромная дистанция разделяет трагическую Зельду и очаровательную в детском простодушии, граничащем с умственной недоразвитостью, мисс Эбби из американского детектива «Мышь и старые кружева». Как и слабую, жестокую к нелюбимым и дарующую себя навсегда любимым Киру из фильма «Порох», и русскую крестьянку Лизу Пряслину в «Доме» Федора Абрамова. Но такие разные героини эти близки друг другу уже тем, что все словно ступают по кипящей лаве, по раскаленной магне босыми ногами, и в их глазах не угасает странный блеск; они щедрты на ироническую улыбку, они отказываются от жалости. Не из-за того, что однажды один классик в явном заблуждении пылко воскликнул: что жалость унижает человека, а мы это приняли за истину в последней инстанции. Просто жалость для большинства персонажей Светланы Брагарник оказывается ненужным даром: они способны принять мир таким, каким он предстает перед ними, но не склоняя головы перед его низостями, а как бы минув их, не позволяя даже в малости уступить бесчестию, пошлости и грязи.

При этом сама актриса далека от иллюзий, окрашивающих жизнь исключительно в розовые нежные тона. Ей никак не откажешь в трезвости, в умной, иногда и саркастической усмешке по поводу свершающегося рядом с ней. Она не верит в ангелоподобных существ, порхающих над грешной землей. Актриса живет на этой земле, но сохраняет сокровенное, дающее ей опору: чувство собственного достоинства, оберегающее от нравственного несовершенства.

В начале пути Светлана Брагарник, понемногу избавляясь от ролей резвых зайчат и симпатичных девчушек, требовавших от нее в основном физических усилий, сыграла Юлию Тугину в «Последней жертве», удивляя: оказывается, героиня Островского может быть и такой!.. Актриса не отменяла традиций. Она только дала себе труд смело взглянуть на трижды знакомое и попытаться понять женщину, далеко не такую святую и неземную, какой она словно застыла в восприятии сотен русских исполнительниц. Для Светланы

Брагарник красавица вдова смолоту умела достаточно плотно сотнестн себя с обстоятельствами, приглушая эмоции там, где они грозили взрывами и катастрофами. Юлия Павловна в такой версии прекрасно отдавала себе отчет, что делала, выходя первый раз замуж за весьма небедного и весьма пожилого купца, не то чтобы продаваясь, нет! Она искренне хотела покоя, а покой могли дать деньги. Она честно приняла свою долю, как позже честно вела партию в романе с Дульчиным, отдавая себе отчет в каждом поступке, вплоть до роковой просьбы о помощи, обращенной к старику-миллионеру. Она просила, да, но и готова была к расплате, сознательно выбрав такой путь. Холодный прагматизм? Ни в коей мере - то была гордыня женщины, предпочитающей не сдаваться на милость обстоятельств. У Брагарник Юлия Тугина жила с волей, с отчаянием, с болью вступая в сговор со своей судьбой. Честный и прямой сговор, насколько сговор вообще может быть прямым и честным.

Казалось бы, присущая актрисе стойкая внутренняя независимость давала ей все основания органично вписаться в облик сценических и особенно экранных героинь 70-х годов, исповедовавших женскую самостоятельность, стремившихся максимально реализовать себя в деле. Однако ничего подобного на пути Брагарник не случилось. Напротив: все годы она постоянно рассказывает, в сущности, одну историю об оскорбленной жемстве, о том, как в альтернативе «Чувство или Дело» женщина может проиграть и как, в сущности, проигрывает в обоих вариантах. Но если избрано Дело,

если ей более всего дорога лестница славы, в итоге она погибает в тоске, в жалких попытках отыскать хотя бы одну родную душу, способную разделить ее настрой. Избрав же Чувство, женщина, при всей обиденности счастьем, остается живым человеком, ни в чем не сломав себя. Трагизм и женственность внутреннего облика актрисы были явно не ко двору во времена, когда трагедии вообще были как бы исключены партийной цензурой из нашей жизни. Женственность же почти уравнивалась с мешанством, вспомните сентенции школьных учителей относительно чеховской Душечки...

Справедливости ради скажу, что далеки от Душечки героини Светланы, наделенные прочным на излом характером. Ее женское начало отмечено несомненным мужеством, свое единственное, неповторимое чувство любви к избранному или назначенному ей судьбой мужчине она отстаивает изо всех сил. Она ощущает себя не ребром его, но опорой, а потому женщине нередко приходится быть отважнее и крепче возлюбленного. Но без любви для героинь Брагарник наступает гибель: жизнь теряет смысл...

Режиссер Виктор Арестов по меньшей мере удивился, когда увидел перед собой актрису, которую ассистентка предложила ему на главную женскую роль в картину «Порох»: красивая, изящная, ироничная женщина была совсем не похожа на истерзанную войной Киру, которая виделась ему в сценарии. Последовала долгая беседа со Светланой Брагарник, и чуткий Арестов, наделенный особым даром выбора исполнителей, уже знал, что Киру он нашел. Режиссер не ошибся. Наверное, впервые после Вероники из картины «Летят журавли» на нашем экране появилась женщина, изменившая воину, солдату, грешная и прекрасная, не скрывающая своего отступничества, своей жестокости к оставшимся в живых, но не повинных ни в чьей гибели.

Кира из «Пороха» стоит особняком в ряду наших киногероинь, как и сама Светлана Брагарник не входит в число популярных кинозвезд. В последнем парадоксе нет ничего случайного. Сказался характер актрисы, не приемлющей пошлых сценариев из жизни путан

и рэкетиров, наотрез отказывающейся изображать дам полусвета. Сказалась и ее актерская «особость», неординарность, требующая высокой литературы, чтобы дать возможность Брагарник зажить в роли со всей возможной полнотой.

Несколько лет назад «вся Москва» валом валила на спектакль Театра имени Гоголя «Плюшева обезьяна в детской кроватке», где Брагарник играла провинциалку Алису, поставившую на карту все - любовь, рождение ребенка - ради актерской карьеры в столице. Актриса в этом спектакле по пьесе М. Яблонской предлагала урок глубокого, сочувственного понимания женской судьбы, искаленной ложной идеей, и одновременно дистанцировалась от героини, не приемля в принципе подобную систему взаимоотношений с миром и людьми. Но вот Брагарник вновь снимается у Арестова в фильме «Сатана», где история ее Алены Павловны, высокопоставленной дамы районного масштаба, перекликается с судьбой Алисы, если иметь в виду самоотступничество и духовную гибель.

У Арестова все до предела обострено и безжалостно до той степени, когда порой больно смотреть на экран, на красивое, тонкое лицо Алены, поработанной пустой целью, целиком ее поглотившей. «Сатана» в фильме - вроде бы молодой парень, бывший любовник Алены, который после того, как она бросила его, в отместку крадет маленькую дочь бывшей любовницы и убивает ее. На самом деле «сатана» - Алена Павловна, сделавшая парня своим зеркальным отражением, когда все тайное проступает в действительности, имени которому не сыскать. Душа была продана за житейские блага, что вполне узнаваемо и даже, увы, типично для нашего времени. Самообман обернулся трагическим поражением. Все, казалось бы, должно было выстроено, упорядочено в соответствии с желаниями. Но жизненная катастрофа, гибель девочки заставляют увидеть всю мнимость ее жалких побед. Таковы объективные последствия страшного выбора - душа потеряна, и вместе с ней утерян смысл существования.

Светлана Брагарник с трагическим спокойствием поведала историю об истреблении женского

начала в женщине, о нравственной смерти. За эту роль актриса была удостоена Гран-при на кинофестивале «Кинотавр» в 1991 году. Однако премия не принесла существенных перемен в киножизни актрисы. Она по-прежнему бежала от базарной музыки, какой промышленляют коммерсанты от кинематографа, торгующие экранной грязью. Бежала в театр, где с удовольствием играла очаровательную дурочку мисс Эбби в спектакле «Мышь и старые кружева», потрясала драмой беспредельного одиночества («Кто-то пролетел над гнездом кукушки»), графической остротой рисунка в роли Хольги («После грехопадения»). И все это было восхождением к новой работе, лучшей, на мой взгляд, у Светланы Брагарник - к Зельде.

Драматургия Теннесси Уильямса совпала с природой актрисы. Ощущение глубокой травмированности Зельды, плена ее духа запутанности в тенетах фантазии, иллюзий сыграно как трагедия одаренной личности, пытающейся убежать от действительности. Жена знаменитого писателя, красавица, балерина, литератор, человек, щедро одаренный - гибнущий - в таких контрастах развивается роль Зельды. Весь спектакль женщина точно бьется в железных цепях, которыми ее опутали окружающие. Возвращается в прошлое, где были светлые минуты, вспыхивает мгновенной радостью, надеясь, что муж поймет ее в сокровенном, и вот уже готова к полету... И тут же, измученная горечью несбывшихся надежд так много обещавшей жизни, исполняется мстительной энергии, становится безумной разрушительницей, менее всего щадя себя.

У Светланы Брагарник Зельда - поэт поражения. Она отчаянно распахивает свои чувства, она провоцирует их, топчет, чтобы снова возродиться и снова быть низвергнутой в бездну жестокостью людей. Этот экзистенциальный поиск обречен. Зло наступает, осязаемо, неукротимо... И все-таки Зельда сопротивляется злу, что очень важно сегодняшнему зрителю. И в памяти остается облик женщины, прекрасной даже в гибели. Можно ли сказать больше?

Эльга ЛЫНДИНА.
Фото В. ВАЖЕНОВА.

Брагарник Светлана

24.05.94

1991